

Конан

КОНАН
И ТАЙНА
ПЕСКОВ

Annotation

...Еще один эпизод из саги о Конане-киммерийце...

«Северо-Запад Пресс», «ACT», 2004, том 96 «Конан и Тайна песков»
Джесс Эвейл. Страж (повесть), стр. 265-336

- [Джесс Эвейл](#)

◦

Джесс Эвейл

Страж

И куда ты теперь, Конан? Домой, небось?

— Дома у меня нет, Гильнат. Хотя отдохнуть не мешает. Двадцать лет в походах.

— По тебе не скажешь, — смуглый черноволосый крепыш со шрамом на подбородке покачал головой. — В каких только передрягах не побывал, голова отчаянная, а на вид все такой же. Будто не так давно бороду брить начал. Чудеса, да и только.

— Мне на пользу походная жизнь, — ухмыльнулся воин, однако Гильнату показалось, что в глазах приятеля мелькнула тревога.

— Походы походами, а не желаешь ли ко мне в гости заехать? Парень-то мой совсем здоровенный вырос. Небось, и не узнаешь его теперь.

— Спасибо, Гильнат. Пожалуй, заеду при случае. А сейчас — ждет меня кое-кто. Давно ждет.

— Вот новость-то! Никак Конан подружку себе завел! И кто она?

— Она хозяйка одного замка, — уклончиво ответил Конан. — Бедовая такая девица.

— Вроде тебя, значит! — хлопнув приятеля по плечу. — Далеко ехать-то?

— Да за пару недель доберусь, если нигде не задерживаться.

* * *

Струйки воды упруго змеились по камням, поблескивая на утреннем солнце, и Иргиль невольно загляделясь на них, сидя на корточках и опираясь ладонью на обломок скалы. Мальчик опустил в воду руку, рассеянно наблюдая за бусинками воздуха, облепившими пальцы.

Конечно, Реллана неспроста отослала его сегодня с утра пораньше в горы за травами. А ведь совершенно ясно, что дело не в травах. Просто она не хочет, чтобы племянник видел ее за работой. Ну, не хочет, и ладно. Бывает. Но зачем тогда было брать его в ученики? И ведь сначала все шло хорошо, два месяца она занималась с ним, и вдруг, как раз когда он начал делать успехи, вдруг передумала. Стала уговаривать его вернуться домой, к родителям, стать охотником или воином, как большинство его сородичей. Но Иргиль к тому времени уже почувствовал вкус к колдовству. Еще бы! Дом Релланы был буквально пропитан магией. Иргиль любил смотреть, как волшебница выходит по вечерам в сад, самым будничным голосом произносит несколько слов, и маленький светящийся шарик послушно вспыхивает на ее узкой ладони и, подпрыгнув вверх, цепляется за ветки дерева. Мальчик мечтал, что когда-нибудь станет подобен ей, и все тайны мира откроются ему, и вернется он к соплеменникам могущественным колдуном, не знающим себе равных. Или — не вернется, а пойдет бродить по свету в поисках невероятных подвигов и новых знаний. Или — выстроит

себе замок, как делают некоторые из волшебников. Или... Как бы то ни было, возвращаться домой теперь зазорно получится. Люди скажут — не вышло волшебника из Иргиля. Не справился. И поди доказывай потом, что ты чего-то стоишь.

Он вспомнил, как долго бился над заклинанием,зывающим свет. Как тщательно копировал слова и действия Релланы, но вместо изящного шара-светлячка с его ладони каждый раз с сердитым шипением сыпались искры. Пару раз дело кончалось небольшим взрывом, а однажды едва не случился пожар. Айотом, когда он уже почти потерял надежду, у него вдруг начало получаться, как-то само собой, и с каждым разом все лучше, так что вскоре он и сам не понимал, что здесь такого трудного и почему у него так долго ничего не выходило... И вот теперь Реллана упорно не хочет учить его магии и сердится, когда он пытается дойти до чего-то сам, листая тайком ее книги. Несколько раз он ловил на себе ее печальные и виноватые взгляды. Что же произошло? И почему она не хочет ничего ему толком сказать?

Иргиль зачерпнул со дна пригоршню камешков и всмотрелся. Ничего стоящего. Обычные обломки породы, серые, красновато-коричневые... А ведь как здорово было бы найти невиданный самоцвет или, скажем, волшебное кольцо, которое сотни лет назад потерял здесь какой-нибудь колдун! Может, тогда Реллана на радостях опять согласилась бы учить его?

Камешки с глухим стуком падали обратно в ручей, поднимая фонтанчики брызг. Иргиль вздохнул. Пора идти дальше, если он хочет засветло вернуться домой. Мальчик собрался выбросить послемший камень, мутно-желтый кусочек кварца, выглаженный водой, но вместо этого зажал его в кулаке и зажмурился, очень ясно представив себе, каким мог бы быть этот камень. Каким он должен был быть.

Похожий на капельку густого темного меда. А еще — на янтарь, который Иргиль видел как-то, раз у Релланы. От поверхности к сердцу камня тянутся нити, черные и белые, похожие на паутину. И там, в золотистой глубине словно крошечный уголек тлеет: камень спит. А проснется — вспыхнет яростным светом, и не будет преград для его силы. Солнце-камень — Иргиль сам не знал, откуда пришло это имя.

Мальчик осторожно перевел дыхание, разжал пальцы, открыл глаза, и на мгновение почудилось ему — лежит на ладони то самое золотистое чудо, что он только что себе представлял. Да только через мгновение ясно увидел Иргиль: почудилось. Кварц — он и есть кварц. Тусклый.

Уныло-желтый, словно зубы у старой лошади. С трещинкой. Бросовой камень, ничего интересного.

А все же Иргиль медлил выкинуть камешек: все казалось ему, что сквозь невзрачный облик проступает тот, иной, истинный. Словно солнце, до времени скрытое облаками. Словно будущая бабочка, дремлющая в коконе. Словно сверкающий клинок, заботливо спрятанный в потрепанных ножнах. Солнце-камень в обличье кусочка кварца.

Иргиль не решился его выбросить. И даже сунуть в карман не решился, опасаясь потерять. Развязал поясной кошелек, где хранил немногие свои сокровища, аккуратно спрятал туда. И отправился дальше.

Солнце окончательно вылутилось из облаков, и воздух над раскаленными камнями переливался тяжелыми волнами. Казалось, что скалы вот-вот задымятся. Надломы на них напоминали царапины, оставленные гигантской когтистой лапой.

Вот она, долина, где они с Релланой всегда собирают травы. Серые и коричневые

обломки скал. Шумит река, и бурые струи воды подпрыгивают на камнях, разбрызгивая хлопья пен — словно норовистые лошади. Растения здесь, вроде бы, те же, что и везде. Ах, нет. Те же, да не те. В этой долине земля так и сочится силой, даже Иргиль это чувствует.

Мальчик достал нож, направился к одному из редких кустиков невысокой травы с мелкими светло-голубыми цветочками и принял срезать тонкие, волокнистые стебельки.

* * *

Уже в сумерках Иргиль поднялся по крутой тропинке к дому Релланы. Мальчик собрался уже толкнуть дверь, но вдруг передумал и тихонько двинул в обход дома, к старому дереву, росшему у самой стены. Привычно подтянулся, вскарабкался по толстым ветвям на самый верх и протиснулся в окно чердака.

Здесь Иргиль проводил почти все свободное время. Забивался в укромный угол и просиживал долгие часы над какой-нибудь толстенной старой книгой в растрепанном переплете, бережно переворачивая хрупкие желтые страницы и до боли в глазах вглядываясь в неровные, выцветшие строки и вытврживая наизусть непонятные слова заклятий. А еще он пользовался каждым удобным случаем, чтобы подсмотреть за работой Релланы, стараясь запоминать, что и как она делает. Волшебница понятия не имела о том, как далеко зашел племянник в своей погоне за недоступными знаниями.

От окна до двери пришлось идти очень медленно, крадучись, чтобы ненароком не скрипнула под ногами половица. Бережно придерживая дверь, Иргиль протиснулся в щель и, присев на корточки на ступенях лестницы, поглядел вниз.

На столе в кажущемся беспорядке валялись раскрытые книги, обглоданные временем пергаменты, стебельки сущеных трав, какие-то предметы, назначения которых Иргиль так до сих пор и не выяснил: обрывки кожи и коры, резные кусочки дерева и комки глины. Рядом — горшочки и коробочки с плотно закрытыми крышками.

Из мастерской не доносилось ни звука. Не было пряного запаха трав, варящихся в огромном котле вместе со змеиными головами, крысиными коготками, овечьей шерстью и прочими необходимыми составляющими магических зелий Релланы. Не метались по стенам и полу золотистые, зеленые и багровые отсветы. Не подрагивали камни старого дома в такт колдовским напевам.

Иргиль тихонько спустился, неслышно прошел по короткому коридору и замер, услышав тихие голоса за дверью комнаты Релланы.

— ...Преувеличиваешь опасность, — произнес незнакомый мальчику голос, высокий и по-девчоночьи звонкий.

— Нет, Кешт, — отозвалась Реллана. — Ты ведь давно меня знаешь. Скажи, разве я склонна к этому?

— Прежде не замечала такого за тобой, — задумчиво отозвалась Кешт. — Но времена меняются. И мы тоже.

— Ну, ты-то выглядишь почти так же, как тогда, в Замке Единорога, — в голосе Релланы прозвучала улыбка, но тут же исчезла, сменившись тревогой, — только вот...

— Только — что?

— ...На тебе как будто лежит тень. Я не сразу заметила.

— Последствия одного не слишком приятного приключения, — небрежно обронила Кешт, но Иргиль готов был поклясться, что эта небрежность кажущаяся.

Видимо, отвечая на невысказанный вопрос Релланы, гостья продолжила:

— Мне пришлось второй раз пройти Посвящение.

— Ты... хочешь сказать, что повторно спускалась в Каменную Пасть? Ты обезумела, Кешт! Да лучше самой зелье смерти принять, чем такое! Я вообще не понимаю, как ты оттуда выбралась.

— Зря пугаешься, — спокойно ответила гостья. — Это действительно я. Не призрак и не морок. На вот, хоть руку пощупай: живая я, можешь не сомневаться. А почему полезла — выхода другого не было. Да и не одна я была. Помогли.

— Ты не могла оттуда выйти, — упрямо повторила Релланы. — Так не бывает.

— Но однако, я вышла. Правда, Пасть не осталась голодной. Быть может, поэтому нам удалось уйти.

— А что об этом сказали на Конclave?

— А для Конclave я больше не существую. Исключили меня.

— Те-бя? Магистра? Одну из сильнейших волшебниц? Что же ты натворила, Кешт?

— Свернула шею одному зарвавшемуся щенку, — в голосе гостьи внезапно зазвенела сталь. — Впрочем, если быть точной, юноша пал жертвой неосторожного обращения с магическими предметами.

— Но разве не нашелся никто, чтобы за тебя поручиться? Ведь можно...

— Восстановиться в Ордене? — ядовито спросила гостья. — Явиться с повинной, словно нашкодившей девчонке, покаяться в содеянном, снова начать с двенадцатой ступени, вместе с юнцами, только что прошедшими Посвящение, так?

— Н-ну...

— После того, как — спасибо бывшим соорденцам — мне пришлось лезть в Пасть, да еще тащить за собой туда друга, потому что одна бы я наверняка не вышла? Нет, Релланы. Возможно, Орден во мне не нуждается, по я-то уж точно в нем не нуждаюсь. Кештиора Арнамагельская никогда никому не кланялась. И не будет.

— Но одной...

— Справлюсь и одна, — гордо ответила Кешт.

— Кроме того, Релланы, я достаточно сильна, чтобы основать собственный Конclave или Орден. Если надумаю.

— Да, ты сильна, — согласилась волшебница.

— Но и безрассудна.

— Что ж, безрассудство часто с силой рука об руку холит, — почти весело сказала гостья. — Но мы отвлеклись от темы. А я так и не поняла, почему ты хочешь отдать мальчишку мне?

— Именно поэтому. Из-за твоей силы. Я надеюсь, что ты сможешь ему помочь.

— Помочь тому, кто обречен сгинуть в Пасти? Хм-м... Релланы, я, конечно, одна из лучших колдуний нашего времени, но ты все же преувеличиваешь мои возможности.

— Но ты же сумела выбраться...

— Уф! Скажи лучше, почему ты не хочешь попросту отправить племянника домой.

— Он талантлив, Кешт. Он безумно талантлив. И он хочет учиться.

— Быть может, ты ошиблась, и ему ничего не грозит?

— Я вопрошала трижды.

— Знаешь, скажи уж прямо, что ты не хочешь брать на себя ответственность.

— Нет, Кешт. Мне просто жалко Иргиля.

— А почему ты не хочешь обратиться за помощью в Орден.

— Потому что я знаю, что они скажут. Что против судьбы не пойдешь, что мальчику надо забыть о магии. При Посвящении часто гибнут даже те, кому это предсказано не было. А уж тут... Нет, орденцы не помогут.

— Угу, а Кештиора Арнамагелльская, волшебница вне закона, достаточно безрассудна, чтобы повесить себе на шею эту заботу и посмотреть, что получится. Так?

— Не только это, Кешт. Признайся, ведь тебе интересно. Ты ведь любишь задачки, с которыми не в состоянии сладить никто другой.

— Верно, люблю. Да, интересно. Волшебница помолчала.

— Что ж, Реллана. Я согласна. Правда, осталась еще одна... мелочь.

— Это какая же?

— Уговорить Иргиля.

* * *

Иргиля уговаривать не пришлось. Впрочем, Реллану это не особенно удивило: мальчик всегда отличался любопытством. Да и сообразил, видно, что это единственный шанс для него все-таки научиться магии. Вот только — вполне ли понимал, чем рискует. Вряд ли.

Парнишка быстро собрался и готов был уже идти к выходу, но Кештиора знаком остановила его. Коснулась кончиками пальцев широкого металлического браслета на левом запястье — Иргиль успел разглядеть странный узор из каких-то углов и зигзагов — и прямо из воздуха появилась дверь. Призываю распахнутая. А за ней — вроде бы, зал.

— Что ж, Реллана, — Кештиора Арнамагелльская улыбнулась. — Пожелай мне удачи. И пусть того — Иргилю. Она понадобится нам обоим. Ох, как понадобится!

— Желаю, — тихо сказала Реллана, пожав маленьющую ладонь подруги. — И — будьте осторожны.

* * *

Иргиль устроился в кресле у камина, следя взглядом за хозяйкой замка, которая, сцепив за спиной тонкие руки, расхаживала по залу. Роста Кештиора Арнамагелльская была невысокого, и на вид казалась бы хрупкой, если бы не кошачья грация движений. Нет, не хрупкой она была, скорее гибкой, словно узкий стальной клинок. Золотисто-рыжие выющиеся волосы падали на плечи, обтянутые черным бархатом платья. А взгляд был то пугающе пристальным — и тогда глаза ее наливались густой изумрудной зеленью, то насмешливым — и тогда в глазах вспыхивали золотистые искорки, то задумчиво-

отрешенным — тогда глаза волшебницы отливали голубизной.

А еще Кештиора Арнамагелльская казалась до странности юной. Правда, Реллана тоже в свои четыреста восемнадцать лет выглядела никак не старше тридцати. Но подруга ее на вид была совсем девчонкой. Это если в глаза не смотреть, конечно.

— Что такое Замок Единорога? — спросил Иргиль.

— Подслушивал, — небрежно обронила волшебница вместо ответа.

Развернулась к ученику, смерила насмешливым взглядом:

— Ведь подслушивал, а?

Иргиль покраснел. Впрочем, Кештиора, кажется, не сердилась.

— Я знаю, что Реллана тебе не рассказывала о нем. Она ведь тебе вообще почти ничего не рассказывала. А еще — я тебя почувствовала еще на подходе к дому.

— Но ты же меня не знала. Как же могла почувствовать.

— Пф-ф! Ты же волшебник, хоть и необученный. Тебя любой из нас за лигу почуяет. А я — так и вовсе любое приближение ощущаю. Не только магов. Здесь, в Арнамагелле, особенно. Вот сейчас, к примеру, сюда едет гость. И я уже знаю, кто.

Взгляд ее кошачьих глаз смягчился и затуманился, а на губах на мгновение появилась мечтательная улыбка.

— Но он доберется до замка не раньше завтрашнего вечера, — не без некоторого огорчения заметила Кештиора. — У нас еще масса времени, Иргиль.

Она уселась в кресло напротив мальчика и соединила копчики пальцев.

— Замок Единорога принадлежит четверым волшебникам из двенадцати наиболее могущественных. Там мы с Релланой когда-то учились. А еще там проводятся ежегодные магические турниры.

— А ты в нихучаствуешь? Возьми меня с собой, госпожа Кештиора!

Колдунья помрачнела и отрицательно качнула головой.

— Прежде участвовала. Теперь — нет.

— Почему?

Зеленые глаза Кештиоры сузились.

— Ты ведь слышал мой разговор с Релланой.

— Волшебница вне закона, — тихо сказал мальчик.

— А теперь, — Кештиора поднялась, — нам надо заняться делом.

* * *

Волшебница срезала прядь волос Иргиля и сожгла в большой бронзовой чаше, позеленевшей от времени. Потом снова коснулась браслета — и дверь на сей раз открылась прямо на горную вершину, покрытую снегом.

— Бегом, — приказала колдунья. Набери снега в ладони и принеси. Да не урони по дороге. Не бойся, дверь никуда не денется.

Иргиль спешил, но когда он, запыхавшись остановился возле стола, снег в ладонях почти растаял.

— Воду в чашу, — коротко распорядилась Кештиора. — Теперь — вот.

Сняла с пояса короткий кинжал, протянула рукоятью Иргилю.

— Нужна твоя кровь.

Мальчик сжал губы, провел заточенным клинком по запястью и дал нескольким темным каплям упасть в чашу.

— Молодец. Реллана учила или подглядел? В книге прочел? Втихаря? Ишь, упорный!

Кештиора положила ладонь на ранку и почти тут же убрала: порез затянулся.

Добавила в чашу светлого вина из большой глиняной бутыли:

— Ритуальное. Из Замка Единорога. Там его делают по особым рецептам.

И наконец, достала небольшой мешочек из темно-серого полотна.

— Земля, — сказала она тихо. — Земля, собранная у Каменной Пасти. Теперь смотри внимательно. Если жидкость в чаше станет золотисто-прозрачной, ты пройдешь Посвящение и живым выйдешь из Пасти. Почти наверняка выйдешь — хотя бывали случаи, что гибли и те, кому была предсказана жизнь. По неосторожности ли, время ли выбрали неудачное, чтобы в Пасть войти, неизвестно. Гибели. Если жидкость зеленой сделается, можно, конечно, попробовать, но уже опасно. Не все идут на такое. Ариниона, последняя ученица моя, не отважилась. Ушла на север, стала ведуньей в одном из сел. Но волшебницей — настоящей волшебницей уже никогда не станет. Если синий цвет увидишь, еще хуже. Считай, пять шансов из десяти выбраться из Пасти живым. Тут уже мало кто рискует. Если станет жидкость красной, как кровь, лучше отказаться от Посвящения. Почти нет надежды остаться в живых. Правда, тот, кто решится, силу обретает огромную, и дар его природный возрастает многократно. Ну, а если все чернотой затянет — это конец. Верная смерть.

— А... ты?

— Что я?

— Какой у тебя цвет получился?

— Красный. Никто не верил, что я вернусь. Реллана — у нее-то золотистый был — уж так меня отговаривала. Чуть ли не силой удержать пыталась.

— Но ты все же спустилась...

— Спустилась. Потому что поняла, что обретение силы и возможность полностью раскрыть свой дар мне дороже жизни. Вернее, дороже той жизни, на которую я обречена, если не пройду Посвящение. Пустой и бессмысленной.

— И тебе не было страшно?

— Было, конечно. Если бы ты когда-нибудь почувствовал дыхание Каменной Пасти, понял бы, что не страшно там в принципе быть не может. Просто — я была готова на все. И прошла.

— Госпожа Кештиора, а можно... еще вопрос?

— Ну?

— Если бы ты увидела черный цвет в чаше, ты бы как поступила?

— Не знаю, Иргиль, — волшебница отвела взгляд и сцепила тонкие пальцы в замок. — Не знаю.

— А ведь ты... была там... дважды.

— Да. Но еще неизвестно, чем придется расплачиваться за второй раз.

Кештиора досадливо тряхнула огненными волосами.

— Смотри. Реллана трижды заглядывала в твое будущее и все три раза результаты сходились. Иногда знамения нас обманывают. Чаша не лжет. Смотри, Иргиль.

Волшебница высыпала из мешочка в ладонь немного земли. Осторожно растерла

пальцами. Протянула руку к чаше.

Легкое серо-коричневое облачко медленно опустилось на поверхность жидкости в чаше — и растворилось.

Иргиль и Кештиора затаили дыхание, всматриваясь.

Со дня чаши поднялась муть, словно ил с потревоженного речного дна, заклубилась, темнея и постепенно меняя окраску.

Красновато-коричневый цвет.

Серый.

Черный.

* * *

— Кештиора! Кешт!

Рослый темноволосый воин с запыленной походной одеждой едва не на ходу соскочил с коня. Иргилю показалось, что гость сейчас бросится бегом вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Но тот поднялся не спеша, степенно и лишь у самых дверей сбросил напускную важность и крепко обнял улыбающуюся колдунью.

— Ты совсем не меняешься. Столько лет не виделись, а ты все такая же, моя Кешт!

— Мы, волшебники не стареем, Конан. Разве я не говорила тебе об этом?

— Вы, волшебники... Ты вот лучше скажи, что ты со мной содеяла, колдунья рыжая?!

— А что я с тобой содеяла? — в голосе Кештиоры слышалось неподдельное любопытство.

— Пять лет, Кешт! Пять лет... Но посмотри — я-то ведь тоже не изменился. На меня уже старые товарищи косятся — на вид я им в сыновья гожусь. А ведь ровесники.

— Не изменился? — хмыкнула волшебница. — Я бы не сказала. В последний раз, когда я тебя видела, ты был умыт и причесан. А сейчас вон бородой зарос, как разбойник, и в пыли по уши. Не изменился он!

— Брось, Кешт! Ты прекрасно понимаешь, о чем я,

— Милый мой Конан, — Кештиора ласково положила руки ему на плечи. — Это не тот разговор, который удобно вести на пороге, поверь мне. Ты ведь не собираешься покинуть Арнамагелль прямо сейчас?

— Нет, Кешт, — ухмыльнулся Конан. — Так быстро ты от меня не отделаешься, и не надейся.

* * *

— Так все-таки, Кешт, что произошло? Почему я не старею?

Конан и Кештиора стояли вдвоем на вершине башни, и легкий ветерок ласково

перебирал их волосы.

— А ты хотел бы стареть? — волшебница небрежно облокотилась на ограждение и посмотрела в глаза воину.

— Я хотел бы понять, что происходит. Точнее, что произошло тогда, во время нашей последней встречи.

— Ты коснулся мертвой воды в Каменной Пасти. Единственный из людей, не обладающих магическим даром.

— Но ведь я... жив?

— Тот, кто проходит Каменную Пасть и остается в живых, может обрести бессмертие, — спокойно ответила колдунья. — Ты не волшебник, поэтому вряд ли будешь жить вечно, но постареешь не скоро...

— Сколько же тебе лет, Кештиора Арнамагелльская?

— Четыреста двадцать.

— И все маги, прошедшие Посвящение, бессмертны?

— Правильнее сказать: не подвержены старости. Волшебники часто гибнут, Конан. Когда от рук врагов, когда по собственной неосторожности. А тот, кто не погибает...

Кештиора вдруг зябко обхватила себя руками за плечи и отвела взгляд.

— Пасть приходит за нами, Конан. Приходит сама, когда наступает срок. Усиливая свой дар, избавляясь от старости и болезней, мы словно берем у нее жизнь взаймы. И рано или поздно наступает время возвращать долг. Когда через тысячу лет, а когда через десять тысяч. Наступает. Для каждого.

— И... ты?

Кештиора молча спрятала лицо у него на груди.

* * *

— А ты молодец, Иргиль, — Конан убрал меч в ножны. — Ловок, быстр. Не боишься. Оружие чувствуешь.

Обнаженный торс воина блестел от пота. Конан неспешно прошел к колодцу, вытащил ведро воды и с наслаждением вылил на себя.

Иргиль молча наблюдал за ним.

— Из тебя вышел бы хороший воин. И я охотно взялся бы учить тебя, — сказал киммериец.

— Это она тебя попросила? — спросил мальчик, глядя на него в упор. — Она, Кештиора? Но ведь она-то сама стала волшебницей. Не испугалась, рискнула. Потому что знала, чего хочет, и добивалась этого.

Он задумчиво посмотрел на обнаженный меч, который все еще держал в руке. Очень легкий меч, специально предназначенный для обучения.

— Почему же она хочет, чтобы я предал свою мечту, свой дар? Предал себя? — с горечью спросил мальчик.

— Потому что ты не равен своему дару, Иргиль, — раздался спокойный голос за спиной мальчика. — И он у тебя не единственный. Потому что сейчас у тебя есть две возможности:

стать посредственным колдуном, не прошедшим Посвящение, или сгинуть в Каменной Пасты. Все. И тут даже я ничего не смогу поделать.

Волшебница подошла и положила руку мальчику на плечо.

— Не отступить я предлагаю тебе, а лишь поискать обходной путь. Да, он будет труден и долож, но в конце концов приведет тебя к цели. Упорство, мой милый Иргиль, это хорошо. Но упорство без гибкости — та же глупость. Конан, — повернулась она к гостю, — многие ли из воинов владеют магией?

— Я не знаю ни одного.

— Итак, Иргиль, ты можешь стать первым. Единственным. Тебе ведь понравилось фехтовать?

Мальчик молча кивнул.

— Я не предлагаю тебе отказаться от магии. Ты прирожденный волшебник, и не перестанешь быть им, как не сможешь разучиться дышать. Но раз обычный путь волшебника для тебя закрыт, будем искать иные, нехоженые тропы. Рано или поздно мы своего добьемся. Ну, как?

Иргиль улыбнулся и посмотрел ей в глаза.

— Я готов.

Перевел взгляд на воина:

— Когда мы отправляемся, господин?

— Конан, мой мальчик. Ты можешь называть меня Конан.

* * *

Они прожили в Арнамагелле еще девяносто дней. Иргиль успел облазить весь замок, но в основном его время уходило на тренировки с Конаном. Кештиора частенько наблюдала за ними, если не возилась у себя в мастерской.

А Иргиль обнаружил, что бой на мечах или стрельба из лука ничуть не менее увлекательны, чем магия. Да и получалось у него все лучше и лучше.

Кештиора ничего не говорила, и непонятно было, довольна ли она новым увлечением ученика или разочарована.

— Вот, — сказала она как-то, спустившись во двор, где Конан и Иргиль только что закончили фехтовать и обливались у колодца водой. — Вот, возьми.

И протянула мальчику небольшой кинжал, очень похожий на тот, что висел у нее на поясе, но с золотистым камнем в навершии.

— Это на память обо мне.

— На... память? — ошарашенно переспросил Иргиль. — Но мы ведь еще увидимся. Мы будем к тебе приезжать.

— Конечно, будете, — как-то уж очень поспешно сказала волшебница. — Просто, если ты вынешь кинжал из ножен, коснешься клинка и подумаешь обо мне, я услышу. И он почувствуешь это — он станет теплым. И камень засветится.

Только тут мальчик взгляделся внимательнее и изумленно ахнул; в рукояти кинжала был точно такой же камень, как тот, что Иргиль когда-то нашел в ручье. Только этот был таким

наяву, и не нужно было закрывать глаза, чтобы увидеть его истинную природу.

— Ты где-то уже видел такой, — прищурилась волшебница, которая внимательно наблюдала за мальчиком.

Вместо ответа Иргиль опрометью кинулся вверх по лестнице и исчез за дверью.

— Тебя что-то тревожит, — негромко предположил Конан. — Ты хочешь, чтобы мы иногда проверяли, все ли с тобой в порядке, так, Кешт?

— Я просто буду скучать по вам, — небрежно пожала плечами волшебница. — Надеюсь, и вы тоже, — она усмехнулась, — воители.

— Что-то ты мне не нравишься в последнее время, Кешт, — озабоченно сказал Конан. — Что гнетет тебя, может, расскажешь?

Какое-то мгновение казалось, что волшебница колеблется, но тут дверь снова распахнулась, запыхавшийся Иргиль, прыгая через две ступеньки, сбежал по лестнице и протянул колдунье небольшой камешек.

— Ты... — ее глаза округлились, — ты где это взял?

— Нашел. В ручье. Если закрыть глаза...

— Да, — задумчиво сказала волшебница, разглядывая невзрачный камешек, лежащий у нее на ладони.

Конан только тяжело вздохнул, окинув критическим взглядом эту странную парочку. Он понятия не имел, что такого удивительного может быть в кусочек мутно-желтого кварца. Да и не хотел этого знать. Воин отошел к колодцу, набрал воды и принял, не торопясь, умываться.

— Пусть он живет у тебя, — тихо попросил мальчик. — Ты ведь знаешь, как его... пробудить?

— Знаю, — колдунья провела по камешку кончиком пальца. — И пожалуй, ты прав. Солнце-камни редко встречаются, и лишь волшебник может угадать один из них в простой гальке. Только сильнейшие маги способны пробуждать душу их. Те же, кто обменяются такими камнями, всегда сумеют услышать друг друга, где бы они не находились. Рассказывали когда-то в Замке Единорога о магах, которым удавалось объединять свою силу при помощи солнце-камней. Но это очень непросто и далеко не у всех получается.

— А откуда они взялись, камни эти?

— В точности никому не известно, хотя есть легенда об этом. Что солнце — это чан с расплавленным золотом, и Небесный кузнец в давние времена делал из того золота украшения для богинь.

И вот как-то раз насмерть рассорились богини из-за одного ожерелья красоты исключительной, да так рассорились, что учинили драку и порвали то ожерелье, и осыпалось оно на землю золотым дождем. А еще они опрокинули чан Небесного кузнеца, и уронили его на землю. Чан был тяжелый, и земля раскололась в месте удара, и оплавились края ее, когда пролился на нее расплавленный металл — так появилась Каменная Пасть из гнева и боли земли. Боги собрались вместе и подняли чан обратно на небо. Но Земля не забыла обиду, и в глубине подземелья слезы ее водопадом срываются в озеро, и никогда не иссякнут те слезы. Но показать их Земля не хочет, и оттого уничтожает всякого, кто приближается ко входу в Каменную Пасть.

Вот почему, хотя места эти богаты золотом, добыть его людям не удается. И если волшебник, пришедший, чтобы обрести силу, позарится на то золото, он обречен гибели. Земля не прощает напоминания о древней обиде. И когда спустились на нее богини искать

золотые бусины, они не нашли не одной. Земля спрятала бусины под личиной тусклых камешков, и ни людям, ни богам не открывается их истинный облик, но лишь волшебникам, которые стоят между людьми и богами, между Землей и Небом.

— Но... Посвящение, — Иргиль недоуменно сдвинул брови.

— Что — Посвящение?

— Ты сказала: волшебники между Землей и Небом. Почему же они принимают только силу Земли?

— Аегенды говорят, что доколе существует Каменная Пасть и солнце-камни не собраны и не возвращены Небесному кузнецу, до тех пор Земля и Небо будут враждовать, и полное Посвящение невозможно.

— А кто-нибудь пробовал... ну... брать силы у Неба?

— Пробовали. Напрасно. Небо молчит.

* * *

— Куда вы отправитесь, Конан? Он пожал плечами:

— Сначала до ближайшего города, узнаем последние новости, а дальше — куда получится. Воины, да следопыты всегда нужны.

Кештиора задумчиво смотрела в огонь.

— Я буду ждать вас. Обоих.

Иргиль взгляделся в камешек, висящий на шее волшебницы на серебряной цепочке.

— Это — тот? Тот, что я нашел?

— Он самый. Что, не похож?

— Нет, — покачал головой мальчик. — Дело не в этом. Просто теперь он стал — настоящим.

Пол под ногами внезапно дрогнул, и на стене пробежала трещина.

Конан и Иргиль вскочили на ноги, непроизвольно схватившись за рукояти мечей. Конан вообще никогда не расставался с оружием, а Иргиль носил на поясе меч больше для тренировки, чтобы привыкнуть. Кештиора осталась сидеть. Только пальцы судорожно стиснули темно-синий шелк накидки.

Пол снова качнулся, трещина в стене расширилась. Внизу раздался треск, что-то с грохотом рухнуло.

— Уходите, — волшебница резко поднялась с места, непроизвольно кутаясь в накидку, словно ей вдруг сделалось холодно, — Уходите немедленно. Оба.

— Что это, Кешт? — требовательно спросил Конан, безуспешно пытаясь скрыть испуг за сердитым тоном. — Опять твои магические штучки?

Стены замка дрожали, как в лихорадке, и трещины разбегались по ним паутиной.

— Я после все объясню, — жестко сказала колдунья. — После. Бегите отсюда. Поторопитесь.

Губы у нее были белые.

— Мы не оставим тебя, — вмешался Иргиль. — Правда, Конан?

— Вам нечего делать здесь! — Кештиора решительно подталкивала их к двери. —

Только мешать будете. Берите коней, если успеете — и ходу.

— Но ты — ты с нами?

— Ждите меня на перекрестке. Я догоню. Все. Ступайте.

— Кешт...

— Некогда спорить. Ступайте же! Оба! Не мешайте мне!

* * *

Они каким-то чудом спустились по шатающейся лестнице. Замок ходил ходуном и, казалось, вот-вот рухнет им на головы. Едва удерживаясь на ногах, они добрались до конюшни и с трудом обуздали обезумевших от ужаса лошадей. Кони с места взяли в карьер.

На ближайшем холме они приостановились, и Конан невольно вспомнил, как несколько лет назад вот также смотрел на замок, прощаясь с ним и не зная, доведется ли вернуться. Тогда покинутый замок казался мертвым. Сейчас он, напротив, жил какой-то жуткой и непонятной жизнью: дрожа и раскачиваясь из стороны в сторону. Одна из башен рухнула, за ней другая. А потом земля неожиданно расступилась вокруг Арнамагелля, словно открылась гигантская пасть. Замок качнулся — и рухнул в бездну.

* * *

Казалось, здесь всегда было так. Бесплодная каменистая почва. Никаких следов ни замка, ни его владелицы. Земля поглотила их и сомкнулась. Лишь сочилась между камнями тонкая струйка воды. Иргиль протянул к ней руку-

— Не трогай, — Конан схватил его за плечо. — Не прикасайся к этой воде.

— А что будет? — безжизненным голосом спросил мальчик. По щекам его медленно текли слезы.

— Откуда я знаю? — досадливо дернул плечом воин. — Может, умрешь, а может, и Пасть вернется. Это только Кешт знает... знала, почему...

Его голос дрогнул.

Иргиль улегся на землю и прижался к ней ухом. Ничего. Впрочем, он и не надеялся. Конан отвернулся.

— Мы бросили ее одну. Никогда не прощу себе.

— Разве, — тихо спросил мальчик, — ты смог бы справиться с Пастью?

— Однажды справился, — начал было Конан — и осекся.

Не один ведь справился, с Кештиорой, пусть та и была в облике рыжей кошки. А Кешт, даже лишенная магической силы, могла многое и еще больше — знала. Да и то — оба тогда еле ноги унесли из этого жуткого места.

— Мы могли бы забрать Кештиору с собой, — сказал, наконец, Конан. — Силой, в конце концов, увезти.

— Пасть ведь за ней пришла, — Иргиль обессиленно опустился на землю и обхватил руками согнутые колени. — Ну, поглотила бы всех троих. И все. А так у нас хотя бы надежда осталась.

— Какая надежда? — глухо спросил Конан. — На что?

— Не знаю... Просто...

Иргиль внезапно нахмурился, вытащил из ножен подаренный волшебницей кинжал и, закрыв глаза и сжав губы провел пальцами вдоль клинка. На мертвые камни упал золотистый блик.

— Иргиль, — прохрипел Конан, — смотри. Камень...

— Да, — почти шепотом сказал мальчик. — Я знаю. Камень светится. И клинок — теплый.

Он открыл глаза и пристально посмотрел на Конана.

— Она жива.

* * *

Свет дробился в стеклах витражей и цветными пятнами ложился на белый мрамор. Пелиас Кофийский, глава Ордена Золотого Лотоса, молчал, разглядывая молодого мужчину и подростка в запыленной походной одежде. Мужчине, высокому, мускулистому, загорелому, на вид было не больше тридцати лет, хотя цепкий взгляд холодноватых голубых глаз наводил на мысль, что Конан, воин по найму, на самом деле намного старше.

Юный спутник его был невелик ростом и по-мальчишески тонок, но гибок, словно стальной клинок. Спутанные каштановые волосы падали на его узковатые плечи, а в карих глазах была отчаянная надежда и чуть ли не мольба. Пелиас Кофийский подумал, что этот взгляд выдержать гораздо труднее, чем взгляд старшего.

— Я не могу вам помочь, — сказал наконец, глава ордена. — И дело даже не в том, что Кештиора Арнамагельская нарушила один из основных наших законов, лишив жизни волшебника. В конце концов, она сполна расплатилась за свое преступление еще тогда, когда вынуждена была по второму разу спуститься Вниз. Это ведь ты тот смертный, который помог ей тогда, верно, Конан-воин?

Киммериец согласно кивнул.

Пелиас Кофийский соединил кончики длинных пальцев — капелькой крови сверкнул крупный рубин в перстне.

— Не знаю, рассказывала ли вам Кештиора, но волшебники не бессмертны, хотя и живут намного дольше людей. Посвящение — словно второе рождение для нас. Мы умираем там, под землей — и возрождаемся с многократно умноженной силой. Возрождаются, правда, не все. Некоторых Земля забирает сразу. Ну, а тех, кому повезло больше — через века или даже тысячелетия. У каждого свой срок.

— Но ведь Кештиора...

— Срок Кештиоры вышел, — волшебник развел руками. — Земля забрала ее.

— Не может быть! — парнишка выхватил кинжал.

Пелиас прищурился чуть насмешливо, наблюдая за мальчиком. Бросаться с оружием

даже на начинающего мага довольно глупо. А уж на главу сильнейшего из орденов... Смешно! Но Иргиль не пытался нападать. Погладил клинок и протянул волшебнику.

— Она ведь жива. Вот же — кинжал теплый. И камень светится. Она там — и еще жива. Уже больше двух месяцев. Мы же не можем...

— Мы не можем ничем ей помочь, — в зеленовато-серых глазах Пелиаса появилось сочувствие.

— Земля не отдаст свою добычу.

— Не отдаст... — задумчиво протянул Конан.

— Не отдаст — кому? Нам? А кому — отдаст? Волшебник даже привстал от изумления:

— То ли ты исключительно умен, Конан-воин, то ли Кештиора была болтливее, чем я до сих пор о ней думал, то ли пребывание Внизу кое-чему научило тебя.

— Кому? — Конан шагнул к волшебнику, непроизвольно сжав кулаки. — Кому отдаст? Скажи, ты же знаешь!

Тот приподнял бровь: смертному не следовало забывать о почтительности. Воин понял и остановился.

— Прошу тебя, Пелиас из Кофа!

— Да, я знаю. Сказать — не могу, Думай. Ищи. Сам.

— Скажи мне тогда другое, всесильный Пелиас Кофийский, — взгляд воина стал тяжелым. — Ведь когда-нибудь Пасть придет и к тебе, верно? Через сотню лет или через тысячу, но придет. Когда настанет твой час, ты будешь столь же невозмутим?

— Я не бегаю от судьбы, Конан-воин, — спокойно ответил маг. — Не бегаю и не прячусь. Я знал, на что шел, когда впервые спускался Вниз. И Кештиора Арнамагелльская знала. И каждый из тех, кто становится волшебником, знает это. Некоторые отступают — и никто не осуждает их. Другие — идут до конца.

— Что ж, прощай, Пелиас Кофийский, — воин слегка поклонился. — Желаю тебе сохранить такую же твердость духа, когда придет твой черед.

Повернулся и направился к двери. Парнишка поколебался и зашагал следом.

— Слабые духом не становятся волшебниками, Конан, — все так же бесстрастно сказал маг в спину уходящему воину.

Тот не обернулся. Зато мальчик чуть задержался в дверях и встретился с Пелиасом взглядом.

— Из Пасти можно выйти только через Пасть,

— очень тихо сказал парнишке волшебник. — Только.

* * *

— Из Пасти можно выйти только через Пасть,

— Конан, фыркнул и подбросил в костер еще дров. — Так это и ребенку ясно. Это же вход в подземелье. Мы с Кештиорой тогда выбирались тем же путем, что и пришли. В точности.

— И все же, мне кажется, что Пелиас подсказал нам путь. Только понять бы, что он имел в виду.

Конан закатил глаза:

— Вот чего я никогда не мог сказать, так это почему колдуны изъясняются загадками!

Почему бы не сказать прямо?

— Думаю, он связан клятвой, — тихо сказал Иргиль. — Очень похоже на то. Или еще чем-то.

— Волшебники! — Конан с досады стукнул себя кулаком по бедру.

— Волшебники, — мальчик чуть улыбнулся.

— Именно волшебники, Конан, — нам и помогут найти разгадку.

* * *

Реллана опустила голову. По ее щекам медленно катились слезы.

— Этим все и должно было кончиться. Кешт ведь упрямая... была. Спустилась Вниз вопреки предсказанию. Никто и не надеялся, что она выйдет. А когда вышла... силу обрела, конечно, огромную. Мало кто с ней сравняться мог. Да только таким-то, сильным, и времени меньше других отпущено. Земля их первыми забирает.

— Пелиас Кофийский, — негромко промолвил Иргиль, — сказал, что есть один-единственный выход... оттуда.

— Что он сказал? — волшебница подняла голову и быстро вытерла щеки.

— Из Пасти можно выйти только через Пасть, — медленно сказал мальчик. — Ты не знаешь, что он имел в виду?

Реллана сдвинула светлые брови:

— Впервые слышу такое. Зато мне доводилось слышать другое...

Оба — воин и мальчик — подались вперед, впившись глазами в лицо волшебницы.

— Земля не имеет власти над тем, кто принадлежит Небу.

— И все? — разочарованно протянул Конан.

— Л кто принадлежит Небу? — почти одновременно с ним спросил Иргиль.

— Не знаю, — призналась Реллана. — Мой наставник не захотел вдаваться в подробности.

— А твой наставник, случаем, не Пелиас Кофийский? — скривился Конан.

— Нет. Альфион Длерт... был. Он ушел Вниз недавно. Пять лет назад.

Волшебница отвернулась. Ушел.

Ушел — значит, тоже не нашел способа избежать.

— А случалось ли, — Иргиль легонько коснулся руки тетки, — случалось ли, чтобы кто-нибудь возвращался... оттуда?

— Говорят, были двое, которым удалось выбраться. Давно. Еще до моего рождения.

— Где они?! — мальчик даже вскочил от волнения. — Они живы?

Да и воин встрепенулся и с надеждой посмотрел на колдунью.

— Одного из них, Альмиркса Рыжего, через каких-нибудь восемьдесят лет после этого нашли мертвым в его мастерской. Так и не разобрались: то ли сам погиб, по неосторожности, то ли помог кто-то. Характер у Альмиркса был непростой, так что врагов хватало.

— А... второй?

— Вельторн Бродяга. Странная личность. Те, кто его знал, рассказывали, что Вельторн десятилетиями пропадал где-то. Появлялся ненадолго и опять пропадал. Может, и жив еще. По крайней мере, мертвым его не видел никто. Правда, живым тоже. Хотя Вниз он больше не уходил. Откуда ты знаешь?

— Мы всегда чувствуем, когда кто-то уходит.

— Так ты и про Кештиору...

— Знала еще до вашего прихода.

— Н-не понимаю, — Конан встал и прошелся по комнате. — Ведь, как я понимаю, уход Вниз похоже смерти. Я был там — омерзительное место, — он передернул плечами. — Так не лучше ли... самому.

— Никто ведь не знает, в какой момент за ним придет Пасть. Может быть, через год, а может, через тысячу лет. Бывает, что волшебник не выдерживает и убивает себя. Или начинает нарываться на неприятности, рисковать — и в конце концов добивается своего. Но таких все-таки мало.

— Слабые духом не становятся волшебниками?

— Это вам Пелиас, небось, сказал? Одно из его любимых присловий. Он ведь единственный был, кто поддержал Кешт, когда она расчленила пройти Посвящение. И думаю, не в последнюю очередь потому, что сам когда-то проходил при таких же шансах.

— Так у него тоже получился... — начал Иргиль.

— Красный цвет, — кивнула Релланы. — Вообще-то это цвет магии Равновесия.

— А... там, в подземелье, — заговорил Конан, — можно что-нибудь... сделать?

— Никому не известно, что происходит с поглощенными. Мне рассказывали, что Альмиркс и Вельторн молчали об этом, как камни. Правда, Альмиркса Рыжим после его возвращения звали только по старой памяти. Седым он стал. Совершенно. А Вельторн, говорят, остался прежним. На вид.

* * *

Иргиль расседлал и стреножил лошадь и лишь после этого направился к костру, над которым уже кипела в котелке вода. Конану хватило одного взгляда на юношу, чтобы все понять.

— Опять ничего, — вздохнул воин. — И у меня тоже. Где искать этого Вельторна, ума не приложу. И ведь наружность-то заурядная, по словам Релланы. Смуглый, да чернявый, волосы прямые, глаза серые. Да таких вон — каждый четвертый. Еще и роста среднего.

— Волшебник он, все-таки, — тихонько сказал Иргиль, пощипывая пушок над верхней губой.

Пушок этот начал расти недавно, и юноша втайне очень гордился им.

— Да, — хмуро кивнул Конан. — Вот только не слышал никто о таком волшебнике. За семь лет — ни одного следа.

Юноша не ответил. По давней уже привычке достал кинжал, провел рукой вдоль клинка, чувствуя, как сталь теплеет под пальцами, погладил мягко светящийся солнце-камень,

вделанный в рукоять.

«Мы не забыли о тебе, Кештиора, — мысленно обратился он к волшебнице, как делал это почти каждый вечер. — Мы помним. Мы ищем. И когда-нибудь мы найдем».

И как всегда, в сердце камня на мгновение вспыхнула искорка — и тут же погасла. То ли было, то ли почудилось.

— Жива, — глуховато сказал Конан. — Жива, а что толку?

— Жива, — эхом откликнулся юноша. — А значит, надежда есть.

* * *

— Ну, и что это значит? — с досадой спросил воин, когда очередной замок скрылся за деревьями.

Иргиль придержал коня, и Конан поравнялся с ним.

— Не знаю, — признался юноша. — Опять загадка. Тот, кто родился стражем, становится освободителем. Хм...

— Мы свели знакомство, кажется, уже со всеми волшебниками, ведуньями и знахарями Закатной части Хайборийского мира, век бы их не видать! Со всеми, которые только есть в мире. Разве что за море не плавали. И лишь трое смогли хоть что-то сказать. Вот скажи мне, Иргиль, как можно родиться стражем? Ими же становятся.

— Может, он собаку имел в виду? Конан только плонул с досады.

— Ну, да, словить какую-нибудь шавку и спустить в подземелье, чтобы она поискала там Кештиору. Восхитительная идея!

— Да еще и летающую собаку — тот, кто может помочь, должен принадлежать небу, — невесело засмеялся Иргиль. — Или поискать какую-нибудь сторожевую птицу?

— Про сторожевых птиц не слыхал, — Конан внезапно натянул поводья, и конь остановился, как вкопанный, недовольно фыркнув.

— Есть, правда, одно племя, которое приносит жертвы огромному змею, а тот за это охраняет селение.

— Охраняет? От кого?

— От врагов. От злой магии. От болезней. Он у них вроде божества, что ли. И еще говорят, что хотя поблизости от их селения Каменная Пасть открывается чаще, чем в иных местах, никто оттуда не уходит. И никто не гибнет. Змей отводит несчастья. В отличие от его прямого сородича — Сета!

— Конан! — юноша аж руками всплеснул. — Так что же ты раньше молчал? Что, если это и есть тот самый страж? И если у него есть власть над Каменной Пастью...

— Тот, кто рассказывал мне об этом, спасся от этих змеепоклонников только чудом, — решительно прервал его Конан. — Угадай с трех раз, что за жертвы они приносят своему защитнику.

Иргиль опустил голову:

— Копан, если другого пути нет, я пойду. Туда, к ним.

Конан положил руку на плечо юноше.

— Мы пойдем вместе, малыш. И еще соберем отряд. Там такие места, что вдвоем мы

точно не доберемся.

* * *

На поиски спутников и подготовку к походу ушел без малого год. Платить наемникам было нечем, и в результате отряд состоял в основном из бродяг, которых Конан кое-как обучил обращаться с оружием. Было, правда, несколько воинов поопытней, но вид и повадки у них были вполне разбойничьи.

— Конан, — тихонько сказал Иргиль. — Зачем они нам? Лучше бы мы отправились вдвоем, чем... с этими.

Конан долго молчал, барабаня пальцами по голым дескам стола.

— Понимаешь... Да, они мне тоже не нравятся. Да, им нельзя доверять. Да, они идут с нами только потому, что я пообещал им богатую добычу. Но без них мы никогда не доберемся до Красных скал. Места там дикие, пробиваться придется с боями. Поверь, уж я-то знаю. В той степи немало моих товарищей сгинуло. Мы не пройдем вдвоем, даже при всем нашем воинском умении, вкупе с твоей магией. А тогда Кешт обречена.

— Конан, но ведь можно же поискать спутников поприличнее. Сказать им правду...

— Спутники поприличнее в такие авантюры не ввязываются, малыш. Они служат государям или охраняют мирных жителей от разбойников...

— То есть от тех, кого мы сделали сейчас своими союзниками, — Иргиль обвел сумрачным взглядом полупустую таверну, в которой они сидели.

— ...Они обзаводятся семьями, которые ждут их. Они копят золото и серебро, чтобы обеспечить себе спокойную старость. И они очень не любят волшебников.

— А ты? Разве нет еще таких же, как ты?

— Я тоже не люблю волшебников, малыш. Но я люблю Кешт, — Конан усмехнулся. — И тебя.

Воин хлебнул вина из глиняной кружки и вытер губы ладонью.

— Да и не хочу я подставлять под удар своих товарищ, Иргиль, пойми это! А этих... окрестные жители нам спасибо скажут, им жить станет намного спокойнее. Мы ведь всех головорезов с округи собрали.

— Мне это не нравится, — тихо сказал юноша. — Ты уверен, что по-другому мы не пройдем?

— Если ты видишь путь — предложи, — пожал плечами Конан. — Если считаешь для себя зазорным иметь дело с разбойниками и отребьем, оставайся здесь.

— Я пойду с тобой, Конан.

* * *

Отряд выступил в путь весной, как только просохли дороги. Двигались медленно:

лошади были не у всех. Встречные путники предпочитали сделать крюк, чтобы разминуться с четырьмя дюжинами мрачного вида мужчин, подозрительно напоминающих разбойничью шайку. А если обхехать не удавалось, нахлестывали коней, стараясь проскочить мимо как можно быстрее. Их провожали свистом и улюлюканьем, а иной раз и солеными шутками. Иргиль подозревал, что их с Конаном попутчики не ограничились бы этим, не поддерживай его друг и наставник железную дисциплину.

Юноша предпочитал держаться особняком. Молча ехал впереди, не оборачиваясь и стараясь не вслушиваться в брань, которой участники похода обильно сдабривали почти каждую фразу. Конан, напротив, постоянно находился среди своих «воинов». В первые дни ему пару раз пришлось наводить порядок и напоминать о том, кто здесь предводитель отряда.

Впрочем, даже меч доставать не понадобилось — кулак у Конана был увесистый. Так что потом охотников спорить уже не находилось, правда, Иргиль так и не понял, подчинялись ли Конану из страха или изуважения. Впрочем, подозревал, что из страха.

С наставником юный волшебник — или уже воин — почти не разговаривал. Хмуро отмалчивался, хотя и понимал, что это несправедливо. В конце концов, именно Конан старался обеспечить их безумной затеи успех. Только вот никак не мог Иргиль отделаться от мысли, что воину нравится власть, основанная на силе, нравится страх тех, кого он сумел подчинить.

Конан не пытался преодолеть отчуждение. Заметив, что Иргиль не желает помогать емуправляться с отрядом, он выбрал себе помощника потолковее и имел дело в основном с ним.

* * *

Два месяца они двигались по наезженной дороге, то петляющей между холмами, то ныряющей под темные своды леса. А потом приостановились: впереди открывалась степь. Конан распорядился двигаться осторожнее. Вперед начали высыпать разведчиков.

Иргиль ехал теперь в хвосте отряда, по-прежнему избегая Конана. К счастью, остальные попутчики сторонились угрюмого юноши, зная, что тому, кто попытается обидеть мальчишку, вожак «вломит» так, что мало не покажется.

— К бою!

Иргиль, погруженный в свои мрачные мысли, дернулся от резкого окрика и вскинул голову. Конановы «воины» спешно выхватывали мечи, брали наизготовку луки, а навстречу отряду уже мчалось не меньше шести десятков конных, и стрелы свистели в воздухе.

Юноша увидел, как Снарт-асир, один из тех, кому в начале похода Конан едва не сломал нос, призывая к порядку, внезапно согнулся пополам и осел на землю. Потом упали еще двое.

— Иргиль! Действуй же!

Конан успел выкрикнуть это, а через мгновение кочевники столкнулись с изготовленными к бою «воинами» — словно волна ударила о скалу. Только вот откатываться назад волна не спешила — блеснули кривые клинки, со звоном и скрежетом

ударилась сталь о сталь.

Иргиль умел убивать. Десять лет скитаний бок о бок с Конаном многому его научили. Только вот, прежде он лишал жизни как раз таких, с кем теперь очутился на одной стороне, причем очутился вопреки собственному желанию.

— Ради Кештиоры, — прошептал юноша. — Ради нее я сделаю это.

Меч его по-прежнему покоился в ножнах, и кинжал не покинул своего места на поясе. Иргиль собирался сражаться магией.

...Среди кочевников раздались крики. Кто-то беспорядочно махал мечом, другие, бросая оружие, хватались за лица, пытаясь протереть внезапно переставшие видеть глаза. «Воины» Конана приободрились и перешли в наступление.

Сам предводитель, казалось, не замечал, что происходит, ожесточенно сражаясь. Ослепших кочевников добили быстро. Троє, правда, сумели повернуть лошадей и помчались прочь, но далеко уйти им не дали. Двоих сбили стрелами, последнего догнал и зарубил Нальдари, ближайший помощник Конана.

* * *

— Почему они напали на нас?

Иргиль смотрел в сторону. Вид Конана, с ног до головы забрызганного кровью — чужой, разумеется, — был сейчас ему невыносим. Омерзителен.

— Это их земли, — Конан тщательно чистил меч.

Чуть поодаль его «воины» обшаривали трупы убитых врагов. А заодно и тела своих погибших товарищей.

Иргиль передернулся.

— Почему ты не запретишь им?!

Конан проследил за его взглядом, потом спокойно посмотрел в глаза юноше:

— Потому что заставлять их повиноваться нельзя одним только страхом. Они должны что-то выигрывать от того, что идут со мной. Иначе они разбегутся, а они мне нужны.

— Как живой щит? — Иргиль не скрывал отвращения.

— Как таран, малыш. Как таран, без которого нам не пробиться к Кешт.

— Не называй меня малышом! — взвился Иргиль. — Я давно уже вырос, если ты не заметил.

— Не кричи, — тихо попросил его Конан.

— Почему же? — прищурился юноша. — Или ты боишься, что те, кого ты обрек на смерть, услышат и сообщат тебе, что их планы расходятся с твоими.

— Я всю жизнь уничтожал таких, как они, — Конан попытался поймать взгляд Иргиля, но тот упорно смотрел в сторону. — Потому что они нападают на мирные селения. Потому что они убивают и мучают тех, кто попадает им в руки. Потому что они...

— А теперь ты возглавил их, Конан-разбойник. Конан-предводитель головорезов. Конан-убийца. И если сейчас на вашем пути попадется селение кочевников — или как там они живут — ты разрешишь своим бравым парням ограбить его, так ведь? Потому что иначе они разбегутся прежде, чем ты вымостишь себе путь их трупами.

— Иргиль...

— Ты не ослышался, Конан. На вашем пути. Потому что наши дороги с тобой расходятся.

— Ты волен поступать, как захочешь. Только имей в виду, что повозь мы слабее, чем вместе. А наша задача и так почти...

Иргиль не дослушал. Вскочил на коня и, не оглядываясь помчался прочь, глотая злые слезы.

Конан не смотрел ему вслед. Занялся делом. Пересчитал своих уцелевших воинов (первый же бой унес шестерых; скверно), раздал отложенную для него часть добычи (к радости спутников и молчаливому неодобрению Нальдарна). Распорядился переловить коней, которые не успели убежать далеко — теперь все воины были верхом, и можно было двигаться гораздо быстрее. Да и в оружии недостатка не было.

И приказал выступать.

* * *

Сначала Конан надеялся, что мальчишка одумается и возвратится. Но день проходил за днем, а юный волшебник все не появлялся. То ли решил повернуть назад, то ли надумал добираться до Красных скал в одиночку. Думать о том, что юноша, возможно, погиб, Конан себе запретил.

Как и вообще об Иргиле и его словах.

Как и о том, что без поддержки волшебника потери в каждой стычке будут гораздо серьезнее.

Как и о том, что, когда мальчишка унес кинжал с солнце-камнем, оборвалась последняя ниточка, которая связывала Конана с Кешт. Пусть даже призрачная.

Как и о том, что люди в отряде роптали и все чаще недобро косились на предводителя.

Как и о том, что с каждым шагом все сильнее сжимал голову невидимый ледяной обруч. Дар этот — умение ощущать приближение опасности, как холод в висках, — превращался в пытку, когда опасность была впереди и вокруг.

Конан ехал вперед.

Просто ехал.

* * *

Отряд постепенно таял. Вторая стычка с кочевниками стоила Конану одиннадцати бойцов, хотя он отчаянно бился, в одиночку уничтожив почти треть врагов. В следующем бою погибли еще девятеро.

А потом они наткнулись на селение, если, конечно, можно назвать селением несколько замызганных шатров. Рынтан, посланный в разведку, примчался с радостными воплями, что

«наконец-то нашел гнездо этих мерзавцев», и Конан понял, что если он сейчас попытается остановить своих людей, его в лучшем случае не послушают. В худшем он останется без отряда. О том, что озлобленные спутники могут просто убить его, Конан не задумывался. Слишком превосходил он любого из них и умением, и силой, и ловкостью. Они это знали и вряд ли захотели бы платить десятком жизней за одну.

Конан ехал шагом в ту сторону, куда умчались его воины. Нарочно очень медленно ехал, и все же успел.

Увидел.

Кочевников, которые на сей раз стояли насмерть, перебили всех. От отряда Конана осталось одиннадцать человек, включая Нальдарна. И все одиннадцать, опьяниенные кровью, направились к шатрам.

Конан колебался не больше мгновения.

Он чувствовал, как ослабли незримые узы, которые связывали его с каждым из отряда. Приказывать воинам было сейчас бесполезно.

И тогда он просто встал у них на пути. С оружием.

Нальдарн, посмотрев в лицо вожака и мгновенно оценив шансы, встал рядом с ним. Плечом к плечу.

Чуть поколебавшись, к ним присоединились еще трое.

Когда последний из тех, кто поднял оружие против бывшего предводителя, упал на красную траву, дернулся и затих, Конан молча вытер меч, вскочил на коня и, не торопясь, но и не оглядываясь, поехал прочь.

Четверо воинов, оставшихся верными последовали за ним.

Из шатров вслед уезжающим доносился приглушенный плач.

Красные скалы. Темно-багровые, словно запекшаяся кровь, и алые, словно краски восхода. Бурые, розовые, лиловые.

Даже вода в ручье была чуть красноватой. И горькой. Нальдарн попробовал ее, покосился на предводителя, но ничего не сказал. Только закрутил крышку почти пустой фляги, так и не набрав воды.

«Куда же идти теперь? Где искать этих самых змеепоклопников? Ведь ни одной заиепки, ничего. Или местные обитатели сами найдут нас?»

Словно в ответ на мысли Конана, на едва заметную тропу впереди спрыгнули двое. Бесшумно подкрались — даже Конан, при всем своем опыте, не почуял их приближение. Дар его в этих местах, где опасность повсюду, был бесполезен.

— Нам нужна пом... — начал было Конан, но горцы слушать его не стали. Молча выхватили мечи.

Бились они хорошо. Нет, не просто хорошо —казалось, сами скалы помогали местным обитателям справиться с дерзкими чужеземцами. Камни, которые минуту назад казались надежными, начинали предательски шататься, едва на них ступала нога Конана или кого-нибудь из его спутников. Несколько внушительных обломков скалы упали сверху, отрезая путь назад. И тут же на подмогу горцам подоспели еще четверо. Казалось, они вышли прямо из горного склона: ничего хоть отдаленно напоминающего пещеру не было в этом месте. Магия, что ли?

Один из спутников Конана с хриплым воплем согнулся пополам, получив рану в живот, и тут же меч горца отсек ему голову. Второго увлек в пропасть очередной сорвавшийся сверху камень. По левой руке Конана обильно струилась кровь из раны в плече. Правда, и горцев

осталось трое.

...Двое.

...Один.

Последний противник рухнул под ноги Конана, разрубленный от плеча до пояса. Стало тихо.

И в этой тишине неестественно громким показался голос Нальдарна:

— Так вот куда ты завел нас, Конан, сочинитель красивых сказок. Где добыча, которую ты нам сулил? Где сокровища? Ты лгал нам. Ты с самого начала знал, чем это все кончится.

Конан медленно повернулся лицом к помощнику — бывшему помощнику. Впился взглядом в холодные серые глаза. Он молчал. Время разговоров прошло.

— Сколько тебе заплатили за нашу смерть? — прошипел Дерниль, подходя на шаг ближе. — Сколько, Конан-предатель?

Один справа, другой слева. И еще горцы, которые могут снова напасть в любой момент. Если бы не рана...

Конан встал так, чтобы за спиной оказалась скала. За спиной скала, в четырех локтях впереди — пропасть.

Нальдарн и Дерниль напали одновременно, с яростью обреченных. Надежды выжить у них почти не было, и все, чего они хотели — уничтожить того, кто обрек их на смерть.

* * *

«Земля не имеет власти над тем, кто принадлежит небу, — размышлял Иргиль, пробираясь по горной тропе. — Тот, кто родился стражем, становится освободителем. И что?»

Красные скалы вокруг казались безжизненными, а запасы воды и нищи почти подошли к концу. Впрочем, это мало заботило юношу. Иргиль знал, что почти достиг цели. По живому теплу кинжала, по тому, как все ярче светился камень в рукояти кинжала.

Чем выше в горы поднимался юноша, тем, казалось, ближе до Кештиоры, заживо погребенной в подземелье.

«Если я сумею взять силу у неба, Каменная Пасть не сможет причинить мне вреда. И тогда я спущусь и освобожу Кештиору. Только вот... я не страж. И уж тем более, не родился стра... Ой!»

Он едва не вскрикнул вслух, когда ему неожиданно заступили путь трое. С мечами.

Взмах — и голова Дерниля отлетела в сторону и ударилась о скалу. Нальдарн был куда более серьезным противником.

Затягивать бой было нельзя: в любой момент могли опять появиться горцы. К тому же, Конан продолжал терять кровь и знал, что сил у него надолго не хватит.

Они яростно бились у кромки пропасти, и любая ошибка могла стать последней для каждого из них.

Конан не делал ошибок. Нальдарн тоже. Пока.

Иргиль не стал обнажать оружие. Заклятие временной слепоты, одно из немногих, которые он успел освоить сам.

Оно отлично срабатывало с кочевниками и не раз спасало юноше жизнь, пока он в одиночку пробирался через степь. Вместе с умением отклонять в сторону летящие стрелы.

Иргиль предпочитал полагаться на колдовство. Ему не хотелось никого убивать.

Но на этот раз магия не сработала. Он успел попробовать дважды, не в силах поверить, что волшебство не удалось. А потом острие клинка уперлось ему в горло, двое горцев повисли на плечах юноши, заламывая ему руки, и в запястья впились ремни.

Конан балансировал на самой кромке обрыва, всей кожей спины ощущая бездну, зияющую позади. Он все с большим трудом отбивал удары, кусая губы при каждом движении. Игра, призванная заставить противника потерять бдительность. Игра, слишком близкая к реальности, чтобы быть только игрой.

Игра...

И Нальдарн — поверил.

Его удар был нацелен в живот Конану. Последний удар этого поединка. Смертельный.

Но ослабевший, истекающий кровью противник отскочил с неожиданным проворством, и Нальдарн закачался на краю пропасти, отчаянно пытаясь удержать равновесие.

Копан ударили с разворота, вложив в это молниеносное движение все оставшиеся силы. Его меч ударил поперек спины бывшего помощника, перерубив хребет.

Нальдарн беспомощно взмахнул руками, роняя оружие, но скрюченные пальцы его встретили только воздух — и он рухнул вниз.

Конан так и не понял, что произошло: то ли голова закружилась от слабости, то ли снова вступила в действие враждебная магия этого места, только тропа под ногами внезапно качнулась, словно гигантский зверь решил отряхнуться и сбросить дерзкого чужака со своей спины.

Конан упал на живот, всем телом прижался к скале, скребя ногтями по скользкому от крови камню, и чувствуя, что сползает вниз, несмотря на отчаянные усилия удержаться. Ноги его повисли над бездной.

«Не вырваться!»

Иргиль яростно извивался, силясь избавиться от пут, державших его запястья. Руки юноши были подняты над головой, спиной он упирался в толстый сталагmit, к которому его привязали. Или приковали: пленник так и не понял, что это было.

Он был один в темноте пещеры. Откуда-то тянуло холодом и еще каким-то странным запахом. Незнакомым. Тревожащим.

Оружие горцы почему-то оставили пленнику, и, прижав голову к груди, Иргиль увидел,

что солнце-камень в рукояти кинжала светится ярче обычного.

«Значит, — подумалось по привычке, — Кештиора жива.»

Он не выдержал и рассмеялся, то ли выплескивая дикое напряжение, то ли борясь со страхом — он и сам не знал. Собственный голос неожиданно показался Иргилю жутким, и юноша испуганно замолчал. В пещере было холодно, но по его лицу катился пот.

«Я не успел... не успел научиться рвать путы, а без магии мне не освободиться».

Он снова рванулся, выворачивая запястья и едва не рыдая от отчаяния.

Тщетно.

«Кештиора, — взмолился мысленно юноша, неожиданно для себя самого, — ты же говорила, что те, кто обменялись солнце-камнями, способны услышать друг друга, где бы ни находились. Услыши меня, ну, пожалуйста, мне очень нужна твоя помощь».

Где-то в глубине пещеры послышался звук, словно что-то тащили по камню.

«Кештиора! Пожалуйста! Услыши меня! Помоги мне!»

Иргиль не отважился говорить вслух. Менее всего он хотел, чтобы его услышали здесь. Шорох послышался ближе.

Юноша вжался в камень, зажмурившись, стиснув кулаки и почти перестав дышать. Его била дрожь.

«Кеш-ти-ора! Пожалуйста!» «Я здесь, мой мальчик»

Юноша уже почти перестал надеяться и сначала подумал, что ответ ему примерещился.

«Быстрее соображай, — молнией вспыхнула в голове чужая настойчивая мысль. — Сосредоточься. И в точности выполняй все, что я скажу. Времени на ошибку у тебя нет».

* * *

— Помочь?

Конан, который цеплялся за камни уже из последних сил, почти теряя сознание от боли и потери крови, с трудом разлепил веки. Кто-то стоял на тропе — кто именно, видно не было. Конан видел лишь сапоги черной кожи и машинально отметил, что, судя по выделке, их обладатель довольно богат. Или — был богат, с учетом того, что сапоги изрядно поношенные.

— Молчание — знак согласия, — вздохнул незнакомец.

Крепко ухватил Конана за запястье здоровой руки и дернул, с неожиданной легкостью вытащив воина на тропу.

Конан прислонился спиной к скале, зажмурившись и тяжело дыша.

— Эк тебя, — его спаситель сочувственно прищелкнул языком. — Сиди смирно, сейчас я тебе помогу.

Боль действительно начала уходить. Вместо нес по телу разливалось приятное тепло.

— Спасибо. Ты спас мне жизнь, — Конан, наконец, смог открыть глаза и рассмотреть незнакомца.

Среднего роста, смуглый, сероглазый. Прямые черные волосы чуть тронуты сединой. Ничего особенного.

Конан благодарно улыбнулся и попытался встать.

— Рано, — решительно остановил его брюнет. — Не торопись. Мне надо еще поработать с твоей рукой.

— Как мне тебя называть? — спросил воин.

— Вельторн. Да не дергайся ты. Говорю же: я еще не закончил.

* * *

«Все. Умница, мальчик!»

Оковы распались на части, и у юноши едва не подкосились ноги от усталости и облегчения.

Но тут шорох послышался совсем близко, и в темноте вспыхнули два золотистых огонька.

Глаза.

Иргиль закричал, слепо метнулся в дальний конец пещеры, но споткнулся и полетел на камни.

* * *

— Ты слышал? — Конан шагнул в пещеру, приподняв факел повыше, чтобы осмотреться. — Что это?

— Страж охотится, — пожал плечами его спутник. — К сожалению, без этого не обойтись, иначе он потеряет силу.

— Но ведь там человек!

Вопль повторился, отчаянный, полный невыразимого ужаса.

— Это же...

Не договорив, Конан помчался по подземному коридору, па бегу выхватывая клинок из ножен.

* * *

Иргиль успел все же подняться, и медленно пятился под немигающим взглядом светящихся в темноте глаз. Пятился, пока не уперся спиной в стену.

И снова раздался шорох, словно по каменному полу тащили тяжелый мешок. Золотистые огоньки придвигнулись ближе.

На магию уже не осталось сил, и тогда юноша обнажи меч и выставил перед собой, готовясь биться до последнего.

— ...Иргиль! Конан?! Здесь?! Откуда?

Из темноты вынырнул знакомый силуэт. По стенам заметались оранжевые и багровые блики от факела. Конан занес меч...

— Нет! — раздался незнакомый голос. — Не трогай стражи! Нельзя!

И тут же случилось невероятное: меч вылетел из руки Конана, словно выбитый ударом незримого клинка. Не будь Иргиль так перепуган, он изумился бы: ни разу на его памяти никому не удавалось обезоружить Конана.

Пещера озарилась мерцающим лиловым светом, и стало видно огромную черную змею и темноволосого человека в темно-синей тунике, который гладил чудовище по голове и что-то ласково говорил ему на незнакомом Иргилю языке. Раздвоенный язык скользнул по лицу незнакомца, змея изогнулась, разворачиваясь, и исчезла в темном проеме подземного коридора.

— Пойдемте отсюда, — предложил Конан, подобрав меч и убрав его в ножны. — Похоже, нам о многом надо поговорить. И лучше делать это на свежем воздухе.

* * *

— Так ты тот самый Вельторн!

— Тот самый?

— Тот, кто сумел вернуться из Каменной Пасти, — пояснил Конан, пристально глядя в серые глаза волшебника.

— Я не вернулся, — тихо сказал Вельторн. — Меня вернули.

— Кто?! — хором воскликнули Конан и Иргиль.

— Страж, — ответил волшебник. — Точнее, его предшественник.

— Эта змея?

— Тот, кто родился стражем, становится освободителем, пробормотал Иргиль. — Вот оно что!

— Вы хотите кого-то спасти, верно? — без обиняков спросил Вельторн. — Что ж, тысяча лет сравнялась. Я могу вам помочь.

* * *

Конан спрыгнул с уступа вслед за своими спутниками и осмотрелся. Одинаковые конусы из темно-багрового в черноту камня образовывали безукоризненно ровный круг не меньше полета стрелы в диаметре.

— Святилище Детей Небесного Змея, — тихо сказал Вельторн. — Так называют себя местные жители. Пойдемте.

Он поманил спутников за собой

Все трое замерли у самого края круглой площадки Святилища, покрытой мелким серым

песком.

— Что бы ни случилось, молчите и стойте смироно, — прошептал Вельторн своим спутникам. — Страж защищает нас, но все-таки Пасть есть Пасть. Иргиль, никакой магии здесь.

Гибкое тело Стража легко проскользнуло между скалами, окружающими площадку, и юноша напрягся, опасливо следя за чудовищем. Змей, впрочем, не обращал на Иргиля ни малейшего внимания. Он медленно двинулся по периметру Святилища. Людям пришлось вжаться в камень: Страж прополз почти вплотную к ним.

Описав круг, змей перебрался в центр площадки, приподнялся, опираясь на хвост и замер, чуть заметно покачиваясь из стороны в сторону.

Так прошло несколько минут, а потом Страж резко изогнулся, почти сложившись пополам, и нырнул вниз с такой легкостью, словно под ним был не песок, а поверхность воды. Как нож сквозь масло прошел.

Земля дрогнула, принимая в себя исполинское тело, и все стихло.

— Что теперь? — одними губами спросил Конан.

Вельторн помотал головой и предостерегающе поднял палец: ждем, мол.

Казалось, прошли часы напряженного ожидания. Потом по песку пошли волны, и над поверхностью площадки показалась треугольная голова Стража. Так же легко, без видимых усилий, змей вылез из-под земли и, широко раскрыв пасть, выплюнул что-то на землю. Золотистые глаза Стража на миг встретились с серыми глазами Вельторна. Змей качнул головой и неуловимо-быстрым движением выскользнул прочь с площадки — только черный хвост мелькнул между багровых скал.

— Идемте, — скомандовал Вельторн. — Пора. И кинулся бегом туда, где беспомощно лежала на сером песке маленькая фигурка.

* * *

— Кештиора, — Конан склонился над волшебницей, убрал с ее лица растрепанные рыжие волосы и смочил губы водой. — Очнись, милая, все хорошо, мы тебя вызволили.

— Чтоб ты подавился, тварь бессовестная, — не открывая глаз, пожелала девушка. Голос ее звучал еле слышно от слабости, но, судя по интонации, колдунья была донельзя возмущена.

— Я?! — опешил Конан. — Но...

— Меня! Кештиору! Арнамагельскую! Сожрать! Вздумал! Ах, ты...

— Кешт! — Конан осторожно встряхнул волшебницу за плечи. — Опомнись, это же-я.

Длинные темпо-рыжие ресницы дрогнули, поднялись, и на воина уставились два ярко-зеленых и до крайности изумленных глаза.

— Нет, ты подожди! — колдунья решительно попыталась подняться. — Я хочу посмотреть на эту наглую тварь! Меня — проглотить! Меня! Нет, каково, а?!

— Из Пасти можно выбраться только через пасть, — задумчиво проговорил Иргиль. — Ну, конечно же! Через пасть змея. Наставница Кештиора, страж и не думал тебя есть. Спасал он тебя, вот что.

— Так предупреждать надо, — фыркнула волшебница. — Я как-то не привыкла, чтобы меня таскали в зубах всякие твари. Я...

— Кештиора Арнамагельская, — решительно прервал ее тираду Вельторн. — Ты сама-то есть хочешь?

* * *

Они сидели за столом в одной из нескольких комнат Вельториа, вырубленных в скале. Кештиора уплетала жареное мясо и овощи с такой жадностью, словно не ела целую вечность. Впрочем, почти десять лет, проведенные Внизу почти без надежды на спасение, тоже срок не маленький. Как ни странно, рыжая волшебница внешне совсем не изменилась. Разве что казалась бледнее обычного, да под глазами залегли тени. Хотя рассказывать о том, что произошло с ней с тех пор, как Каменная Пасть поглотила замок, Кешт наотрез отказалась.

Зато Вельторн оказался на редкость словоохотливым. То ли обрадовался возможности поговорить с другими волшебниками, то ли так сказывалось облегчение от того, что затея с гигантским змеем удалась.

— Меня Бродягой прозвали вполне заслуженно, — Вельторн взял из вазы крупное яблоко, зеленое с красным бочком, и задумчиво провел кончиками пальцев по гладкой кожице. — Куда меня только ни заносило. Вот даже и сюда как-то забрался. Обитатели здешние, Дети Небесного Змея, как они себя называют, народ суровый. Едва не принесли меня в жертву, вот, как Иргиля примерно.

Юноша заметно вздрогнул и нахмурился при этом напоминании.

— Но я сумел поладить с ними. Сначала, правда, пришлось пугнуть, ну, а потом мы нашли общий язык. И в конце концов я стал жрецом Небесного Змея — так они Стража зовут.

— Небесный? — вскинул голову Иргиль. — Реллана говорила...

— Земля... не имеет власти... над тем, кто... принадлежит Небу, — пробурчала Кешт с набитым ртом. — Знаю, слышала.

— Они вызывают одного из стражей Каменной Пасти — он выходит из центра Святилища, — продолжил Вельторн, дождавшись, пока все замолчали. — Посвящают его Небу — у них на то специальный ритуал существует. Очень занятный, надо сказать, но вам я его описать не могу: клятвой связан.

— Видел я этих змей в пещере, — передернулся Конан. — Но ведь они маленькие.

— После Посвящения змей растет, — Вельторн с хрустом надкусил яблоко. — Очень медленно. Чтобы достигнуть такого роста, как у нынешнего Стража, лет семьсот ему нужно.

— Нынешнего? — удивился Иргиль. — Разве они умирают?

— Редко, — сказал Вельторн. — Почти никогда. Спасителю Кештиоры в прошлом году сравнялась тысяча лет. И теперь должна пройти еще тысяча, прежде, чем он сможет опять спуститься под землю.

— А если раньше спустится? — Кешт даже есть перестала, уставившись на волшебника во все глаза. — Или не сумеет?

— Суметь-то сумеет, — вздохнул Вельторн. — Только проживет он после этого самое большее года три. Зачахнет и умрет. Как предшественник нынешнего Стражи.

— А что с ним случилось?

— Его я загубил. Невольно. Альмиркс...

— Альмиркс Рыжий? — хором воскликнули Иргиль и Конан.

— Да... — Вельторн опустил голову. — Он был моим другом. И когда Пасть забрала его, я послал Стража. Змей вытащил Альмиркса, но погиб через полгода после этого. Как будто что-то подтачивало его силы. Тогда я призвал нового Стража и вырастил его.

— А почему — Страж? — спросил Иргиль.

— Змей охраняет племя. От Каменной Пасти. От болезней и несчастных случаев. От врагов. Он словно живой талисман, и Дети Небесного Змея действительно не знают бед.

— И кормят его людьми, — юноша сдвинул брови.

— Без этого Страж теряет силу, — сказал Вельторн. — И тогда племени приходится плохо. Ну, знаете, как бывает, когда Каменная Пасть открывается поблизости. Дети рождаются уродами или мертвыми, взрослые отступают на ровном месте и падают в пропасть, поветрие нападает, ну, и так далее.

— Ну, да, и они предпочитают откупаться чужими жизнями, так? — жестко спросил Иргиль.

Вельторн молча кивнул.

— Но почему ты позволяешь им делать это? И почему живешь здесь? Самому не противно? — не унимался юноша.

— Я обязан им жизнью, тихо сказал волшебник. — Больше, чем жизнью. Потому что это их жрец послал за мной Стража, когда меня забрала Земля. А я вместо благодарности змея того погубил. Альмиркс оказался Внизу через триста лет после моего спасения. Меня предупреждали, что нельзя отправлять за ним Стража, пока не миновала тысяча лет, но я не мог ждать так долго, когда он... Просто не мог.

Волшебник помолчал, бессознательно стиснув яблоко в руке так, что на глянцевой кожице остались вмятины от ногтей.

— Ничего хорошего из моей затеи не вышло, — сказал наконец. — Страж погиб. Альмиркс утратил силу. Не сразу. Постепенно, по капле. Но это бы еще полбеды — можно ведь жить и не будучи волшебником. Живут же птицы с подрезанными крыльями. Плохо другое — он начал сходить с ума. Или думал, что сходит. Говорил, стоит ему оставаться наедине с собой, и начинает казаться, что он снова там, в Пасти, и выхода нет. Он начал бояться. Бояться темноты, бояться одиночества, бояться выйти из замка и бояться оставаться в замке. И в конце концов...

Он прикрыл глаза и продолжил глухо, словно через силу:

— Альмиркс попросил меня убить его. Сам он уже ничего не мог, а жизнь стала для него невыносимой. И я...

Кештиора молча накрыла руку волшебника своей. Глаза ее потемнели.

— Я не нашел иного способа помочь ему. Я выполнил его просьбу.

— Почему ты хотел спасти меня, Конан? Иргиль сбил ногой камешек с края обрыва и проводил его взглядом.

— Разве ты поступил бы иначе? — пожал плечами воин.

— Я думал, что оскорбил тебя.

— Ты наговорил много глупостей, — холодно сказал Конан. — Ты бросил меня в довольно скверном положении. Ты едва не загубил дело, ради которого мы сюда шли. Но это не причина, чтобы отдавать тебя змею. Да, я пришел тебе на помощь, Иргиль. Как пришел бы на помощь всякому, кто не враг мне. И если ты снова попадешь в беду, можешь на меня рассчитывать.

— Так ничего не изменилось? — юноша изумленно посмотрел на воина.

— Изменилось, — Конан прищурился. — Я сказал: ты можешь рассчитывать на меня. А вот я на тебя больше не полагаюсь. Ты оказался ненадежным спутником, мальчик.

Иргиль опустил голову.

— Я не мог поступить иначе.

— Верю, — равнодушно ответил воин. Отвернулся и пошел прочь по тропинке. У поворота приостановился и бросил через плечо:

— Жаль только, что я не понял этого раньше.

* * *

— Куда ты теперь, Кештиора?

— Не знаю, Вельторн, — рыжая волшебница грустновато улыбнулась. — Я ведь осталась без замка. А из Ордена меня исключили уже давно. Возможно, я буду странствовать, а может, поищу себе новое место для жизни. Обзаведусь замком. Может быть, даже Орден создам. Не думаю, что это понравится Пелиасу из Кофа.

Она усмехнулась, блеснув белоснежными зубами.

— Пелиас всегда уважал тебя, Кештиора. Не удивляйся. Это обо мне почти никто не слышит, а я-то за событиями слежу. Пелиас Кофийский не мог поступить иначе.

— Возможно, — холодно процедила девушка. — Собственное спокойствие и порядок в Ордене Золотого Лотоса, конечно, важнее для него, чем жизнь одной из волшебниц, пусть даже эта волшебница не из последних.

— Не скромничай, у тебя это плохо получается, — Вельторн улыбнулся и положил руку ей на плечо. — «Не из последних» — слабо сказано. «Одна из сильнейших» поточнее будет, ты не находишь.

Девушка улыбнулась:

— Пожалуй, ты прав, Вельторн Бродяга. Или уже не Бродяга. Ты, похоже, прочно обосновался здесь.

— Мне здесь нравится. Мне по душе эти горы, да и к Детям Змея я привык.

— И все же помог Конану. А ведь он бился с ними.

— Он храбро сражался. Я не хотел, чтобы он погиб. Отчаянный парень этот Конан. Едва не снес голову Стражу.

— Да уж, домашний зверек у тебя очаровательный! — колдунья фыркнула. — Чем ты только кормишь его? Из пасти такая вонь — я чуть не задохнулась. А вообще, спасибо, Вельторн Бродяга. Я никогда не забуду этого.

Она сняла с шеи цепочку и протянула волшебнику.

— Солнце-камень, — Вельторн бережно погладил пальцами золотистый кристалл, и тот мягко засветился в ответ. — А где второй?

Кештиора коснулась кинжала на поясе:

— Иргиль вернул его мне. Не представляю, что делать с мальчишкой, — неожиданно пожаловалась она, сморщив нос. — Похоже, ему слишком тяжело далось это путешествие. Никак в себя не придет.

— Отпусти его, — посоветовал Вельторн. — Пусть подумает. Мир посмотрит. Не так уж легко выбирать путь, ты ведь знаешь.

— Я в своем пути никогда не сомневалась, — Кёштиора упрямо мотнула рыжей головой. — Никогда. Даже когда надо было спуститься в Каменную Пасть, почти не имея надежды выйти.

— Отпусти его, — повторил Вельторн. — Если судьба ему стать волшебником, он вернется. А если нет, так пусть ищет свою судьбу.

* * *

— Ну, что же, я отправляюсь к Реллане, — Кештиора приподняла рукав, открывая серебристый браслет, открывающий двери. — Кто хочет со мной?

— Не надейся избавиться от моего общества так быстро, — улыбнулся Конан. — Я от тебя теперь не отйду ни на шаг, по меньшей мере, год.

— Я остаюсь здесь, — сказал Вельторн. — И буду рад любому из вас, кто захочет меня навестить. Только лучше предупредите заранее о своем визите — вот, хоть через Кештиору. Тогда вас проведут, как дорогих гостей, прямо ко мне.

— Да уж, твое жилище явно уютнее, чем пещера Стражи, — засмеялась Кешт.

Иргиль тихо коснулся руки волшебницы.

— Прежде, чем вы отправитесь к Реллане, открой мне дверь куда-нибудь в лес. Или в горы.

— Куда-нибудь не получится. Надо знать, куда ты хочешь отправиться.

— Тогда — в тот лес, что рядом с Арнамагел-лем... С тем местом, где был прежде Арнама-гелль.

Кештиора кивнула и провела пальцами по браслету, открывая дверь.

* * *

— Ты, кажется, не удивлена, — Кештиора подбоченилась, стоя на пороге дома подруги.

— Нет, не удивлена, — Реллана поднялась ей навстречу и широко улыбнулась. — Не удивлена, но очень рада, Кешт. Очень.

И заключила рыжую колдунью в объятия.

— Я не сомневалась, что у этой парочки все получится, — сказала она, ставя на стол чашки. Если уж Конан когда-то ради тебя в Каменную Пасть добровольно слазил, то ясно было, что он не отступится. А племянник мой всегда отличался упорством. Когда ты его в Арнамагель забрала, я на чердаке несколько книг обнаружила. И когда только утащить успел! Кстати, почему он не с вами?

— Он пожелал остаться один, Реллана. Ему трудно сейчас, но он отвергает помощь. Ты не тревожься, я все-таки прослежу за его судьбой. Обещаю.

— Тревожиться? За этого упрямого мальчишку? Я уж скорее встревожусь за того, кто отважится встать ему поперек дороги. Помяни мое слово, Кештиора, мы еще услышим об Иргиле. И, боюсь, скоро.

— Что ж, — сказала рыжеволосая волшебница, намазывая густой мед на кусок хлеба, — надеюсь, он сумеет найти себя.

* * *

«Я не могу стать волшебником, — думал Иргиль, подбрасывая и ловя еловую шишку. — Земля не хочет делиться со мною силой. И воином я не стал. Конан прав: не стоит рассчитывать на меня в деле, которое я считаю неправильным. Троє учителей у меня было, от всех троих я ушел. И что теперь?»

Он присел около лесного ручья и опустил в воду руку. Пошевелил пальцами, разгребая мелкие камешки.

«Теперь — искать иной путь. Свой. Похоже, в этом мне никто не поможет».

— Никто не поможет, — раздался позади него голос.

Юноша резко обернулся.

Похоже, говорившая его не заметила. Она стояла к Иргилю боком — стройная девушка в простеньком бело-голубом платье, с лукошком в руках. Явно местная, из крестьян.

— Никто не поможет, — грустно повторила она, обращаясь, по-видимому, к ближайшей елке. — Волшебница Кештиора сгинула, даже замка, уже, почитай, лет десять, как нет. А эти, из Ордена, не хотят нашими бедами заниматься. Конечно, у них великие дела, волшебство всякое хитрое, что им за дело до того, что у нас земля не родит, и скотина чахнет, и о прошлом где ребятишек от поветрия с дюжину перемерло. И ведь ладно бы Пасть Каменная открылась — а то ведь непонятно, с чего. А в другие места перебираться ох, как не хочется. И никто не поможет.

— Я помогу, — тихо сказал Иргиль, и девушка, подскочив от неожиданности, уставилась на него испуганными синими глазищами.

— Я помогу, — спокойно добавил юноша. — Чему ты так удивляешься? Ты же сама сказала, что вам нужен волшебник. Вот, я волшебник и есть. К вам пришел.

— Т-ты... — девушка неловко прижала к груди лукошко, — Ты откуда взялся-то здесь? Ровно с неба свалился.

— С неба, — Иргиль усмехнулся и покачал головой. — Что ж, можно сказать и так. Как зовут-то тебя?

— Лирни.

— Ну, что ж, Лирни, веди, показывай, что тут у вас не так. Будем разбираться.

* * *

— Как ты назовешь свой замок, Иргиль-волшебник? — спросил старейшина.

Они стояли на вершине холма, наблюдая, как ложатся на свои места первые камни кладки. Возводить достойное жилище для нового волшебника собрались мужчины с нескольких сел. Дело того стоило: не прошло и двух лет, как наладилась жизнь в округе, словно молодой колдун принес с собою удачу. А коли так, надо волшебнику уважение всяческоеказать, замок построить, чтобы он насовсем остался.

— У этого места уже есть имя, — ответил юноша и улыбнулся чему-то. — Арнамагелль.